

В тот момент, когда машина выехала в пригороды и дорога опустела, У Суовэй, словно движимый инстинктами зверь, яростно бросился на водительское сиденье к Чи Чэну!

— Чи Чэн, ублюдок! — бессвязно взревел он,

охваченный неистовым безумием периода уязвимости и обидой, тянувшейся из прошлых и нынешнего воплощений, он широко открыл рот и изо всех сил впился зубами в крепкое предплечье Чи Чэна, сжимающее руль!

Клыки прорвали тонкую ткань рубашки, глубоко вонзившись в плоть!

— Черт! — Чи Чэн никак не ожидал такого удара и глухо застонал, а по руке прокатилась острая боль.

Однако он не оттолкнул его, а напротив — другой рукой уверенно удерживал руль, позволяя У Суовэю кусать себя и выплёскивать эмоции.

Он чувствовал, как обжигающее дыхание У Суовэя обжигает его руку, и ощущал соприкосновение зубов, в котором смешались боль и странный, трепетный пульс.

У Суовэй кусал его и одновременно бессвязно ругался, словно желая выплеснуть всё накопившееся внутри: — Это ты выгнал меня из дома! Это ты устроил рокировку, это ты был так хорош с Ван Шо, я загрызу тебя до смерти... прикончу тебя...

Слезы, смешанные с потом, скатывались из его зажмуренных глаз и падали на руку Чи Чэна — горячие.

Выгнал из дома? Рокировку?

Эти обрывочные слова, словно грозовой раскат, прогремели в ушах Чи Чэна! Он резко вдавил педаль тормоза, и внедорожник с великолепными техническими характеристиками начертил короткий тормозной путь на пустой пригородной дороге, плавно остановившись.

Из-за страшной инерции У Суовэй, продолжавший кусаться, тоже подался вперед.

Чи Чэн не обращал внимания на боль в руке и сочившуюся кровь, он резко развернулся и обеими руками крепко схватил У Суовэя за плечи, заставляя посмотреть ему в глаза.

Взгляд Чи Чэна был полон невероятного, исступленного ликования, сильнейшего потрясения и глубокого, ошеломляющего шока от обретения утраченного!

Он в упор всмотрелся в покрасневшие от боли и безумия, затуманенные слезами глаза У Суовэя, а его голос от предельного волнения дрожал так, что слова едва можно было разобрать:

— У Суовэй... что ты только что сказал? — он чеканил каждое слово с такой силой, словно делал ставку на всё, отчаянно пытаясь докопаться до истины, — Ты... ты тоже пришел, да?!

Чи Чэн крепко прижал У Суовэй к груди! С такой силой, будто хотел стереть границы между ними, вплавить его в собственные кости и кровь!

— Дабао... — из глубины горла Чи Чэна сорвался дрожащий зов, полный радости обретения утраченного и тяжелой, неразрывной любви — низкий, хриплый, с едва сдерживаемыми рыданиями.

Слезы сорвались без предупреждения и упали на потную от укусов шею У Суовэя.

У Суовэй всем телом задрожал, на мгновение обретя ясность рассудка, и его свирепые движения внезапно замерли.

— Чи Чэн... — У Суовэй резко поднял голову, хлопая большими глазами, и с легкой обидой посмотрел на лицо, оказавшееся совсем рядом.

Глаза Чи Чэна покраснели, и крупная слеза скатывалась по его холодной, резкой щеке, собираясь на податливом подбородке, чтобы в конце концов упасть на руку У Суовэя.

— Ты ведь тоже пришел, верно? — с трепетом переспросил Чи Чэн, его голос звучал надломленно, и каждое слово весило тысячу цзиней, падая прямо на сердце У Суовэя.

Он обхватил ладонями лицо У Суовэя, его подушечки пальцев хранили жгучее тепло и легкую дрожь, а взгляд жадно блуждал по лицу.

— Дабао... прости меня, это моя вина, во всем моя вина, — шептал он снова и снова сквозь слезы, — Я не должен был говорить это со зла, мне следовало во всем разобраться раньше... — говоря это, он прижался лбом ко лбу У Суовэя, их носы соприкоснулись, а горячее дыхание смешалось воедино.

Та слеза и это «прости» словно волшебный ключ сокрушили всю маскировку, гнев и обиду, которые У Суовэй накопил с момента прибытия в этот мир.

Дамба, которую он так долго удерживал, рухнула с оглушительным грохотом! Бурный поток эмоций вмиг смыл его остатки разума.

— Чи Чэн... ну ты и ублюдок... — У Суовэй больше не мог сдерживаться, слезы градом, как бусины с оборванной нити, покатались по его щекам.

Он с не меньшей силой обнял в ответ этого мужчину, которого одновременно и ненавидел, и любил так отчаянно, до боли в сердце.

— Ты ублюдок... — последние слова утонули в поцелуе Чи Чэна.

Чи Чэн жадно впитывал этот знакомый до дрожи в душе запах.

Резкий травяной аромат и холодный кедровый запах в салоне машины по-прежнему диссонировали, ожесточенно сталкиваясь и издавая похожий на электрический разряд треск, который чувствовали только они двое.

Но под этой внешней борьбой росла и крепла более глубокая, подлинная связь, обвивая души обоих тугими стеблями лиан.

Враждебные феромоны по-прежнему инстинктивно сталкивались и рвали друг друга, вызывая волны острой боли.

Отчуждение и недомолвки прошлой жизни, робость и побеги в нынешней — казалось, в этих бурных слезах и крепких объятиях они наконец нашли выход, где всё могло раствориться и выплеснуться наружу.

Чи Чэн почувствовал жар и легкую дрожь тела в своих объятиях: он понял, что под воздействием бурных эмоций период уязвимости У Суовэя вспыхнул с новой силой, и медлить было нельзя.

Он глубоко вздохнул, силой подавляя собственное отторжение, подушечками пальцев нежно стер слёзы с лица У Суовэя, и его голос прозвучал с непреклонной решимостью, но нежнее, чем когда-либо:

— Не бойся, Дабао, мы дома!

Чи Чэн изо всех сил подавил собственные феромоны и, подхватив У Суовэя, который полностью погрузился в период уязвимости, вынес его из машины!

Уложив У Суовэя на широкую кровать в спальне, Чи Чэн достал из прикроватной тумбочки блокатор и вколол его в железу У Суовэя. У Суовэй уже почти потерял рассудок и яростно отторгал феромоны Чи Чэна, глухо рыча и требуя, чтобы тот ушел.

Чи Чэну тоже было невыносимо тяжело: будучи альфой, он прекрасно понимал, что его

присутствие сейчас лишь усилит мучения У Суовэя, но он не хотел уходить, не хотел снова отпускать У Суовэя.

— Чи Чэн, найди мне омегу, мне так плохо, кажется, я сейчас взорвусь! — У Суовэй больше не мог контролировать свои инстинкты!

В Чи Чэне вспыхнула слепая ярость, он схватил У Суовэя за горло: — У Суовэй, ты же знаешь, я никому не позволю тебя пометить! Если хватит духу — пометь меня, черт побери!

Бушующие феромоны Чи Чэна, которые он до этого едва сдерживал, под воздействием У Суовэя почти вышли из-под контроля.

В тот же миг комната наполнилась запахами двух разъяренных альф, а воздух стал густым, как застывающая лава.

Оба потеряли контроль!

В горле У Суовэя перекачивался низкий рык, напоминавший вулкан на грани извержения.

Губы Чи Чэна коснулись обжигающей кожи на шее У Суовэя. Это был не поцелуй, а прикосновение хищника, нацелившегося на добычу.

Тело У Суовэя мгновенно натянулось, как тугая тетива лука, а из горла вырвался сдавленный стоп, в котором смешались боль и предельная ярость.

Инстинкты альфы бешено кричали об опасности: прикосновение другого альфы к железе было абсолютным святотатством и разрушением!

Собрав все оставшиеся силы, он резко подался вперед и со всего маху врезался лбом в челюсть Чи Чэна, издав неприятный, глухой стук.

От резкой боли у Чи Чэна потемнело в глазах, и хватка на мгновение ослабла.

И это мгновение решило всё! Отличный шанс!

<http://bllate.org/book/19432/1903480>